

Митрополит Иларион: Достоевский верил во Христа не только как в Воплотившегося Бога, но и как в идеал человечества

12 декабря 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал член Союза писателей России, член Союза журналистов России, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и Литературного института им. А. М. Горького Игорь Волгин.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

«Чем соедините вы людей для достижения высших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной». Это слова Федора Михайловича Достоевского, сказанные уже почти полтора века назад, но, безусловно, актуальные и в наши дни. Любые устремления и надежды, связанные с благополучием и развитием нашей страны, будут безуспешны и тщетны, если красивые и перспективные проекты государственного, социального и экономического развития будут строиться на песке нравственного безразличия.

Что же это за великая нравственная идея Достоевского? Почему без нравственного основания ни у страны, ни у личности нет будущего, нет перспективы? Обо всем этом я хотел бы сегодня поговорить с членом Союза писателей России, членом Союза журналистов России, профессором МГУ Игорем Волгиным.

Здравствуйте, Игорь Леонидович!

И. Волгин: Здравствуйте, владыка!

Вопрос, конечно, мировой, ибо можно сказать, что мир до Достоевского и мир после Достоевского – это две разные вещи. После Достоевского мир узнал о себе то, что не знал до него.

Кто-то из писателей сказал: «Все люди делятся на три категории: те, кто читал «Братьев Карамазовых», те, кому предстоит их прочитать, и те, кто не прочтут это произведение никогда. Конечно, если брать ядро идеологии Достоевского, то это, прежде всего, уничтожение границы между нравственностью лица и нравственностью государства. Нет двух нравственностей. Нет

двух моралей. Он говорит об этом в «Дневнике писателя», это проходит и через многие его романы. То, что является правдой для одного лица, должно быть правдой и для всей нации. Есть некая высшая истина, которая не действует применительно к случаю. Она абсолютна.

Вы знаете его замечательные слова, вызывающие споры до сих пор: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Очень странные слова. Есть разные трактовки. Думаю, здесь можно сказать так: если истина арифметична, если эта арифметика, как в «Преступлении и наказании», бесчеловечна, то Достоевский предпочитает остаться с человеком, с Христом, нежели с этой абстрактной рациональной истиной. Хотя есть и другие объяснения.

Митрополит Иларион: В своих работах Вы говорите об антропоцентризме Достоевского. Вы сравниваете Достоевского с Толстым и отмечаете, что у Достоевского, например, природа никогда не играет никакой существенной роли. Он не пишет пейзажи, а всегда сконцентрирован на человеке. Слова, которые Вы сейчас процитировали – об этом, кстати, мы говорили в моей передаче с Андреем Кончаловским, – говорят об очень глубоком христоцентризме Достоевского. Для него Христос был абсолютным нравственным идеалом во всех смыслах, и он верил во Христа не только как в Воплотившегося Бога, но и как в идеал человечества. Он показывал, что истины как таковой вне Христа быть не может, потому что Христос и истина неразрывно связаны. Более того, Христос Сам о Себе говорит: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (см. Ин. 14, 6). В этом плане христоцентризм Достоевского имеет глубокую нравственную основу.

И. Волгин: Да. У него есть одна предсмертная запись в «Дневнике писателя» – спор с Кавериним. Каверин говорит, что следование своим убеждениям – это есть нравственность. На что в своих заметках Достоевский отвечает: «Нравственный образец и идеал есть у меня — Христос. Спрашиваю: сжег бы Он еретиков, — нет. Ну так, значит, сжигание еретиков есть поступок безнравственный». А следование своим убеждениям, по мнению Достоевского, – это честность, а не нравственность. Вот такое принципиально глубокое различие.

Достоевский всегда ставил Христа как образец. Он высказывался в письме к Н.Д. Фонвизиной: «Нет ничего прекраснее, мужественнее и совершеннее Христа». Для него Христос - не абстрактная теория, не только Нагорная проповедь (как, скажем, для Толстого), а живой человек и Бог, конечно. Недаром, когда он читает изложение Символа веры в письме, который Толстой прислал своей родственнице, а та показала его Достоевскому, то хватается за голову и говорит: «Не то, не то». Потому что для Толстого важнее всего Нагорная проповедь, для него важнее теория. Поразительно, что Толстой, переводя четыре Евангелия, как бы изгоняет оттуда поэзию. Остается только чистая евангельская публицистика.

Митрополит Иларион: Он изгоняет оттуда личность Христа.

И. Волгин: Конечно.

Митрополит Иларион: Он оставляет нравственное учение. Ведь и сейчас есть такие ученые на Западе, которые говорят, что вообще могло не быть Христа как исторической личности, а якобы существовал только некий сборник изречений, из которого потом нечто такое родилось. Словно был какой-то мудрец, который написал изречения, которые всем понравились, а потом начали придумывать разные истории про то, что якобы Христос существовал.

И. Волгин: Эта теория еще обсуждается в «Мастере и Маргарите», где Берлиоз пытается убедить своего собеседника в том, что личности не было, а просто был сбор цитат из многих источников. Эта теория была довольно популярна и в советский период, и еще до советского периода. Это была модная теория несуществования реального исторического Христа.

Митрополит Иларион: Достоевский как раз верит в реального исторического Христа. Мне кажется, что во многих своих героях он пытается прочесть эту личность Христа и спроецировать ее на тот мир, в котором он живет. Почему у него появляются в романах такие поразительные хриstopодобные образы – князя Мышкина, старца Зосимы?

И. Волгин: Это его мечта – написать прекрасного положительного человека. Мы часто цитируем, что красота спасет мир. И очень примитивно понимаем это изречение. Мышкин ведь говорит немножко по-другому: «Мир красотой спасется». Видимо, предполагаются усилия самого мира. Не просто красота будет дана миру как панацея, а нужно некое духовное усилие, приближение к Христу, к этому Божественному образу. Мир спасется своим собственным духовным усилием, а не автоматическим спасением со стороны той же красоты. Здесь заключена очень глубокая мысль.

Митрополит Иларион: Я хотел бы еще сказать о двух аспектах творчества Достоевского и его личности. Во-первых, он был не только писателем, но и философом. Подобно Платону, который вкладывал свои мысли, идеи, в том числе и противоречивые, в уста своих персонажей, Достоевский весь свой богатейший внутренний, интеллектуальный, идейный и эмоциональный мир вкладывал в уста и поступки своих героев. Когда мы читаем в тех же «Братьях Карамазовых» споры между братьями или в «Бесах», мы не всегда можем понять, с чем солидаризируется Достоевский. В каком-то смысле, нам кажется, что в этих образах он раскрывает и свои внутренние противоречия, и вообще противоречия русской души.

Второй аспект – это то, о чем часто говорится, что Достоевский был пророком. Ему было дано такое глубокое видение, которым мало кто обладал. Мы знаем, что он жил в эпоху, когда в Россию

проникали идеи нигилизма, атеизма, социализма. Бердяев в своей книге «Миросозерцание Достоевского» говорит, что в те времена мало кто видел угрозу в идеях социализма, мало кто мог так однозначно назвать носителей этих идей «бесами», как это сделал Достоевский.

И. Волгин: Достоевский в 17 лет написал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Конечно, он брал многое из своего внутреннего духовного, душевного опыта. Он поразительно чувствовал время и людей.

Если говорить о пророчествах Достоевского, то сейчас читаешь некоторые его тексты и поражаешься их актуальности. Когда он, например, говорит об экономике. Казалось бы, далекая от него вещь, ведь он не экономист. Но он говорит, что если не будет нравственного спокойствия, то не будет ничего, а если будет нравственное спокойствие, то и экономика воспрянет, и финансы умножатся. То есть, он понимает, что главное начало всему – это не «хлеб», как он говорил, а нечто иное, что организует, структурирует все остальное в жизни. Это очень важно.

Конечно, он смотрел на много лет вперед. Ведь и социализм, и все прочее, в его понимании и восприятии – это человеческие свойства, которые, так или иначе, развиваются. Можно сказать, что в «Преступлении и наказании» предвосхищены некоторые элементы будущего фашизма, ведь сначала у Раскольникова была теория, а потом кровавая практика. В идеологии XX века тоже сначала была теория, идеология, а потом начиналась практика, которая старалась ориентироваться на эту идеологию.

Достоевский понял этот механизм возникновения реального исторического зла из умствований, из схем. Это все у него есть и в романах, и в «Дневнике писателя». В этом смысле он поразительно чуток к еще скрытым потенциалам человеческого духа, которые проявились, скажем, в наше время. Мы ведь думали, что XX век – век Достоевского, а XXI век – может быть, будет веком Толстого, условно говоря, так как уже и сюжеты исчерпаны, и человек прошел некий путь... А оказалось, что события начала XXI века показали, что Достоевский – писатель чрезвычайно актуальный, еще во многом не прочитанный, как это ни странно.

Митрополит Иларион: Достоевского часто сравнивают с Тургеневым. Вы тоже иногда их сравниваете. У Тургенева тоже присутствует тема нигилизма. Он прописал очень яркий образ Базарова в «Отцах и детях», но эту проблему он рассматривает под другим углом, как бы говоря, что, да, есть смена поколений, есть отцы и есть дети; есть взгляды традиционные, а есть либеральные, есть влияния, скажем, почвеннические, а есть западнические. Но Тургенев не смотрит так глубоко, как Достоевский, и не видит тех последствий, которые несет разрушительная нигилистическая идеология, отрицающая Бога.

Ведь именно Достоевский говорил, что социализм – это не какая-то социально-экономическая теория, а восстание против Бога. И если из жизни человека изгоняется Бог, то наступает царство нравственной вседозволенности. Достаточно вспомнить крылатые слова, которые приписываются Достоевскому: «Если Бога нет, то все позволено». Хотя лично он этих слов не произносил, это слова одного из его героев, но в значительной степени они отражают мировоззрение самого писателя. И на примере своих отрицательных героев Достоевский показывает, что значит нравственная вседозволенность, и к каким последствиям она может привести.

И. Волгин: В своей последней записной тетради Достоевский пишет: «...Не как мальчик я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...» Он сам прошел этот путь. Ведь когда-то он хотел написать роман «Атеизм», состоящий из многих повестей – большой роман, целый эпос, о пути человека к Богу. Меня в свое время поразила мысль Бердяева, что атеизм – это ступень богопознания. Что это тоже путь к Богу, пусть с отрицательным знаком, но человек через это проходит. Это удивительно. Роман не был написан, но, как я думаю, Достоевский в нем хотел показать путь человека к Богу через неверие. Человек проходит через неверие, через горнило сомнений и, наконец, приходит к тому, к чему он должен прийти как духовное существо.

Конечно, проблема веры – ее поиск и утверждение в ней, которое не обретается человеком с рождением – мучила Достоевского всю жизнь. Ведь он и сам не просто принял готовое учение, а пережил это как нечто интимное. Для него Евангелие и все христианство было сугубо личным делом, а не просто набором положений, постулатов и так далее. Он это пережил на собственном опыте.

Некоторые наши критики иногда сводят роль Достоевского к комментатору евангельских заповедей, который расшифровывает их в своих романах. Но это не так, потому что Достоевский создал свой художественный мир. Он православный писатель, несомненно, но он все-таки не церковный писатель в отличие от других, скажем, писателей. Он христианский писатель, который на основании христианства создает свой художественный мир, который зиждется на основах христианской этики.

Митрополит Иларион: Здесь я себе позволю с Вами не согласиться, потому что нецерковным, даже антицерковным писателем был Лев Толстой. А Достоевский был церковным человеком. Он, конечно, Христа воспринимал очень по-своему. Но ведь Церковь никому не запрещает так воспринимать Христа. Наоборот, Церковь открывает каждому личный путь ко Христу.

Достоевский прошел большой, очень сложный, трагический путь: от увлечения социалистическими

идеями он пришел к вере во Христа. Почему он так ярко описывает этих «бесов», потому что он был среди них, из-за членства в этом сообществе он чуть не попал на тот свет - его приговорили к смертной казни, которая буквально в последнюю минуту была отменена. Так вот, начиная оттуда, он пришел к очень глубокой, светлой и, я бы хотел сказать, к очень церковной вере во Христа. Он принял Христа именно таким, каким Его открывает людям Церковь. Вот почему у него есть образ и старца Зосимы, и писания старца Зосимы, которые в значительной степени созвучны творениям Святых отцов, и такие глубоко церковные образы как, например, Алеша Карамазов.

Я хотел бы поблагодарить Вас, Игорь Леонидович, за участие в передаче. Достоевский – это неисчерпаемая тема, и я не сомневаюсь, что мы к ней еще не раз вернемся.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/49925/>